



ЛЮБОВЬ ПЕРУНИЦА

Или
Деда Мороза

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовь Перуница Ищу Деда Мороза

<https://litres.ru/74221534>

Аннотация

Иногда судьба стучится не в дверь, а в бампер твоего автомобиля. Ксюше - молодой предпринимательнице - нужен Дед Мороз. Срочно. За неделю до праздников. Кириллу нужны деньги. Очень. А теперь ещё и ремонт чужой машины оплачивай. Их встреча — это лёд и пламя. Вернее, гололёд и разбитая фара. Её девиз: «Сделаем праздник волшебным!». Его кредо: «Главное — пережить этот день без седативных». Он соглашается стать Дедом Морозом. Она соглашается его не убить. Они заключают сделку: десять дней в обмен на свободу от долга. Никто не ожидал, что по пути им придётся открыть друг в друге то, что они так тщательно прятали: уязвимость, доброту и готовность поверить в чудо. Даже если оно приходит в помятом красном халате и с ведром сарказма. Современная история о вынужденном сотрудничестве, которое превращается в самое неожиданное и смешное чувство на свете. Роман участвует в литмобе «Снегурочки такие разные»

Содержание

Глава 1 - И такое бывает	4
Глава 2 - Неожиданный поцелуй	11
Глава 3 - Дебют	19
Глава 4 - Личный котёл	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1 - И такое бывает

— А сейчас все становимся в хоровод и поём песню!

Дети, неуклюже толкая друг друга, берутся за ладошки, захватывая меня, деда мороза и ёлку в кольцо. Становлюсь с ними в круг, подхватывая малышей за ручки.

— Поём все вместе! «В лесу родилась ёлочка...»

Ребятня в разноречии поёт, путает слова, при этом ни капельки не смущаясь. Красота! Лучший возраст — 4–5 лет. Глаза – огонь, улыбки искренние! Очередной раз убеждаюсь, что я на своём месте.

Идеальный утренник, как известно, заканчивается в тот момент, когда снимаешь шапку Снегурки. Чувствуешь, как освобождаются зажатые заколками волосы, а к лицу приливает кровь — и вот ты уже не сказочная внучка Деда Мороза, а Ксюша Лазарева, владелица event-агентства «Хлопушка», с тремя часами сна и пятью капучино в крови.

Сегодняшний праздник был огонь. Дети визжали от восторга, родители умиленно утирали слёзы, а наш Дед Мороз... Ну, Макс старался. Хотя по его взгляду я видела, что он мысленно уже пакует чемоданы в тёплые края, о чём неустанно твердил последние месяца два. Он вообще в последнее время часто так смотрел — куда-то вдаль, поверх детских головок. Мы договорились, что после 8 Марта съездим отдохнуть. Только он, я и море, и никакой работы.

— Молодец, команда! — крикнула я, выходя в коридор Макс, Егору и Олесе. — Особенно ты, главный волшебник страны!

Макс снял бороду. Лицо у него было странное — не уставшее, а какое-то... обречённое. Как будто он только что сдал сложный экзамен и ему всё равно на оценку.

Мы сдали одолженный у детского сада реквизит и пошли рассаживаться по машинам. Сейчас обед — есть время чуть-чуть выдохнуть перед следующей ёлкой, которых сегодня ещё три штуки.

Уездный поселковый детский сад рядом с городом, где мы проводили утренник, был окружён пустырём. Серо и неприглядно. Зима в этом году запаздывала — ни холода, ни снега. Только серые проталины да ледяные ошмётки.

Егор и Олеся уже отъезжали, когда я с кипой пакетов тащилась к своему новенькому Джили. Моя мечта. Пусть и в кредит, но сама, своими силами смогла добиться. Моё маленькое новогоднее чудо, которое я позволила себе совсем недавно.

Макс курил у своей тачки, поглядывая на меня исподлобья. Даже не помогает, как обычно. Обидно.

Гружу пакеты в багажник и, словно набрав побольше воздуха в лёгкие, чтобы выдать тираду, замираю. Но он меня прерывает.

— Ксюш, — сказал он без предисловий. — Мне нужно с тобой поговорить.

Желудок у меня сделал сальто. «Разговор» в таком тоне никогда не сулил ничего хорошего. Лучшее, на что я могла надеяться — что он снова хочет сменить поставщика конфет.

— Говори. Только, пожалуйста, без драмы. У меня сегодня ещё два утренника и дискотека в школе, и я функционально не могу позволить себе нервный срыв до девяти вечера.

— Я уезжаю, — выпалил он, глядя в сторону. — Сегодня. В Сочи.

Я заморгала. Мой мозг пытался сложить эти слова во что-то осмысленное. Мой парень. Сочи. Сегодня. В разгар предновогоднего аврала.

— В... Сочи? — переспросила я, чувствуя, как во мне закипает чистейшей воды бешенство. — То есть не «в командировку на север за оленями», а прямо на курорт? Уточняю, чтобы правильно страдать.

— Мне предложили место в отеле, — он говорил монотонно, как заученный текст. — Event-менеджером. Круглый год солнце, море, нормальные взрослые праздники без этой... — он махнул рукой в сторону сада, — детской самодеятельности.

— Ах вот как, — кивнула я, скрестив руки на груди. Блестки на рукаве осыпались. — Поняла. Ты уезжаешь в тёплые края организовывать вечеринки для взрослых, потому что устал от детских утренников. Ирония, такая ирония. Она

сейчас задушит меня насмерть.

— Это не ирония, это здравый смысл! — в его голосе прорвалось раздражение. — Я не хочу больше носить эту дурацкую бороду, Ксюша! Я хочу носить легкую куртку и кросы! В декабре! Понимаешь?

— Понимаю, — сказала я. Мой голос звучал глухо. — Прекрасно понимаю. Ты меняешь нашу общую мечту, где ты — Дед Мороз, на личную, где ты — какой-нибудь отдыхающий Дионисий. Классный план. Поздравляю. А наш бизнес? Два года работы — и всё коту под хвост. Верно?

— Это “твой” бизнес, Ксюша! — в его голосе прорвалось раздражение. — Твоя идея, твой драйв, твои вечные «дай-дай». Я просто... был рядом. И понял, что не хочу этого. Ни агентства, ни этих дурацких костюмов, ни...

Он вздохнул. Этот вздох разозлил меня больше всего. В нём было столько усталого снисхождения к моей «недалёкости».

— Я думал, ты порадуешься за меня. Но нет. Ты всегда думаешь только о своём агентстве и своих амбициях.

Он повернулся и пошёл к авто. Без объятий, без «прости». Просто развернулся и ушёл. Как актёр, отыгравший свою сцену в самом скучном спектакле его жизни.

— Жду открытку! — крикнула я ему вдогонку, уже не сдерживаясь. — С пальмой и загаром! А я тут буду, понимаешь, в валенках и с обморожением совести!

Дверь захлопнулась. Он уехал. Я осталась одна. Посреди

пустыря. Я, наверное, сплю, и мне снится кошмар. Мой мужчина сбежал от Нового года... навстречу лету. В России. Это было даже не предательство, а какая-то плохая шутка.

— Чёрт. А заявки? — прошептала я сама себе. — У нас же три больших корпоратива на этой неделе! Три ёлки сегодня. Частные поздравления! Боже-боже-боже! Где я найду двадцать третьего декабря деда мороза?!

Самый натуральный Новый год - апокалипсис.

Мой телефон завибрировал. Сообщение от Олеси, нашего менеджера, сопровождающего, человека, способного договориться с кем угодно, и по совместительству голоса разума.

Олеся: Ксюш?! Что у вас там с Максом происходит? Написал, что уезжает и больше не работает с нами. Я позвонила запасному нашему, с кем у нас договор. Так и он сбросил и прислал смс. Цитирую: «Простите, я не могу. Осознал, что мой духовный путь лежит через аскезу, а не через раздачу материальных благ детям». И всё. Блокирует номер. КАК ТАК?!*

Ксюша: Олесь, Макс нас кинул. Что делать с Валерьевичем, не имею ни малейшего понятия! Надо срочно искать замену. Егор рядом? Пусть сегодня отработает за Деда, плачу двойную расценку!

Олеся: Да ты что? Ксюша, он же ни слов, ни текста не знает! К тому же в заявке у нас обязательно фото и видео. Этим Егор занимается.

Уже представляю, как на заднем фоне Егор что-то бубнит, что не может, не хочет и вообще чувствует себя хреново.

Ксюша: Так! Где мне сейчас срочно найти Деда Мороза?

Олеся: Я звоню по сайтам и объявлениям. А ты... Ты говорила как-то, что в школе работала, может, кто из старшеклассников заводных или знакомых учителей поможет?

Школа... А это выход. Значит, обед отменяется. Время есть!

В машине прислоняюсь лбом к холодному стеклу окна. За ним начинается кружить снег. Такой красивый, такой праздничный. Прямо как в открытке, на фоне которой твоя жизнь разваливается на хреновые кусочки.

— Отлично, — прошептала я снежинкам. — Просто замечательно. Один Дед Мороз сбежал от меня в тёплые края. Другой — от меня к духовному просветлению. Караул.

И тут пришло ещё сообщение.

Олеся: Кстати, ты не забыла, что у нас завтра вообще пять утренников подряд? И везде тебе нужен здоровый мужик в красном халате? Начинай искать. Или готовься играть обе роли сама. У тебя, кстати, неплохо получается басить.

Да. Я забыла! Я посмотрела на своё отражение в окне. Расстрёпанная Снегурка с глазами, как у загнанной лосихи.

— Ну что ж, — сказала я своему зеркальному двойнику. — Похоже, у меня появилась новая рабочая задача. Найти Деда Мороза. Желательно, чтобы он был немножко менее... духовным. И немножко более... тут, со мной.

А где его, спрашивается, искать? В трудовой бирже? В разделе «Волшебники, маги и прочие сказочные персонажи»?

Главное — не паниковать. Паника — это не про меня. Паника — это когда закончился кофе. А это... это просто лёгкий, почти неприметный, тотальный крах.

Но ладно. Сначала кофе. Потом — план по спасению Нового года. Или того, что от него осталось.

Глава 2 - Неожиданный поцелуй

Мир, как известно, делится на две категории: идиоты, и те, кто вынужден с ними работать. Сегодня моё личное пространство оккупировали представители обеих категорий.

Первым был девятиклассник Петров. Пахнущий противным энергетиком и источающий наглость. Явился с претензией, что я «неправомерно занижаю» его годовую оценку.

— Кирилл Владимирович, ну вы же понимаете, — говорил он, щёлкая жвачкой, ем немало меня бесил. — Мне отец обещал новый айфон за пятёрку по физике. Вы же не хотите лишить ребёнка праздника?

— Я хочу лишить тебя мысли, что мир вращается вокруг твоего нового айфона, — парировал я, убирая со стола остатки своего скудного обеда. — Четыре. Обсуждать нечего.

— Да я на вас сейчас директору пожалуюсь!

— Ступай. Он в отпуске. А завуч, — я кивнул в сторону кабинета, откуда уже неслись приглушённые крики, — занята спасением всеобщей успеваемости от полного краха. Твой телефон подождёт.

Петров удалился, бормоча что-то нелестное о моей педагогической состоятельности. Что ж. Он не первый и не последний.

Второй идиот — сама завуч, Анна Витальевна. Женщина

с вечной улыбкой, которая напрягала лицевые мышцы сильнее, чем её интеллект. Прибежала она ко мне через минут тридцать, когда я уже собирался покинуть школу. По крайней мере на сегодня.

— Кирилл Владимирович, что это за несознательность? — начала она, едва переступила порог моего кабинета. — Вы же подрываете наш рейтинг! Родители Петрова — люди влиятельные!

— Их влияние, Анна Витальевна, к сожалению, не распространяется на законы физики, — сказал я, глядя в окно. Там уже начинал летать мерзкий колючий снег.

— Мальчик знает на три. С натяжкой на четыре. Пять — это издевательство над системой, мной и над ним же.

— Но Новый год на носу! Нужен позитивный настрой! Вы же вселите в ребёнка уверенность!

— Я вселю в него ложное чувство успеха, которое разобьётся в первом же вузе, — процедил я. — Моя задача — учить. А не подыгрывать.

— Вы просто выгорели, Кирилл Владимирович! — заключила она, махнув рукой. — Вам бы отдохнуть. Или... завести семью. Это смягчает характер.

— Спасибо за диагноз и рекомендации, — ответил я, уже выходя и доставая ключи из кармана. — Я пойду, пожалуй, смягчать характер в одиночестве.

Идиоты. Кругом одни идиоты. И этот чёртов гололёд.

Мой старый фольксваген-пассат, который я ласково назы-

ваю «Арнольд» за выносливость и полное отсутствие красоты, был нафарширован до отказа. Не деньгами, нет. В багажнике лежали четыре ящика с новыми учебниками (спонсорский подарок, который надо было разобрать), в салоне — стопка тетрадей для проверки и модель солнечной системы из папье-маше, которую надо было довести до кабинета физики. Арнольд кряхтел под тяжестью, но держался.

Я выехал со школьной парковки с целью подъехать поближе ко входу школы для разгрузки. В голове стучала одна мысль: быстрее разгрузиться и домой. Горячий чай. Тишина. И ни одного живого существа, требующего от меня знаний, оценок или душевного тепла.

Мысль оказалась преждевременной.

В зеркале заднего вида мелькнуло что-то белое и блестящее. Я даже не понял сначала, что это. Машина? Она стояла так близко к выезду, будто ждала именно моего появления. Мой мозг, забитый формулами и скрипучим голосом завуча, с опозданием отдал ногам команду «тормоз». Арнольд, верный и неповоротливый, ответил задумчивым скольжением задней части. Черт, зад машины повело по гололеду.

Последовал глухой, мягкий, и очень дорогой звук.

— Твою мать.

Я совсем не ожидал таких «поцелуев»!

Вылезаю из машины. Морозный воздух ударил в лицо, но внутри горело и потряхивало. Подошёл к месту преступления.

Задний бампер моего Арнольда с его потёртой наклейкой «Physics: it works, bitches!» встретился с боковой дверью автомобиля модного цвета — космический серебряный. С китайским названием, которое все вокруг произносили с придыханием, как будто это не машина, а билет в лучшую жизнь.

Дверь была красиво помята. Бампер мой приобрёл новый живописный изгиб.

И тут из-за руля этой блестящей новинки вышла... Она. Снегурочка.

Буквально. В короткой белой дублёнке, с развевающими-ся прядями, выбившимися из косы и в высоких белых сапогах. Лицо её было бледным, глаза — огромными, и в них читалась не столько ярость, сколько отчаяние, граничащее с истерикой. Я узнал её мгновенно.

Ксюша Лазарева. Бывшая коллега, вечная улыбающаяся оптимистка, которая три года назад бросила школу с заявлением «Я пойду дарить детям радость!» и, судя по всему, преуспела в этом настолько, что смогла купить себе такую игрушку. Она меня и в школе то бесила, а когда ушла, мне пришлось подхватить её пятиклашек с математикой на несколько месяцев.

— Кирилл Владимирович? — её голос дрогнул от неподдельного бешенства. — Это твой способ поздравить меня с Новым годом? Трофейным бампером?

Я вздохнул. Глубоко. Выдохнул пар. Виноват? Безусловно. Весь вчерашний аванс ушёл на оплату клуба кактусистов.

Ущерб, на глаз, стоил как минимум пары редких суккулентов, о которых я мечтал.

— Лазарева, — сказал я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни капли извинений. Мне было плевать, но правила приличия диктовали. — Смотри, куда ставишь свою карету из тыквы. Тут знаешь ли, люди ездят.

— Я стояла! — выдохнула она, указывая на меня пальцем в пушистой варежке. — Стояла! Это ты въехал в меня задом! Неужели залипал в телефоне на картинки своих кактусов?

Вот чёрт. Она помнила про кактусы. Это придавало ситуации личный, оскорбительный оттенок.

— Я смотрел на дорогу, — солгал я. — Которая, видимо, обледенела ровно в момент твоего мистического появления.

Мы стояли друг напротив друга посреди пустой школьной парковки. Она — сияющая яростью снежная королева. Я — в потрёпанной куртке и с лицом человека, который уже представил, как отрывает здоровый кусок от зарплаты следующие полгода. В голове пронеслись цифры, возможные варианты, но все они упирались в один факт: деньги. Их нет.

А её взгляд, который метнулся с моей поцарапанной машины на моё, наверное, предельно мрачное лицо, вдруг сменился. Ярость уступила место чему-то другому. Острому, деловому. Почти хищному. Мне это совсем не нравится.

— Ладно, — сказала она, и в её голосе появились стальные нотки. — Что будем делать, физик? Страховка у тебя,

конечно, не предусматривает столкновений со сказочными персонажами?

— Какая, на хрен, страховка, — буркнул я, сдаваясь. — Лазарева, я виноват. Говори, сколько. Но имей в виду, мой финансовый максимум сейчас — это бутылка шампанского «Советское» и пачка оливье из кулинарии.

Она медленно обошла свою помятую дверь, потом посмотрела на меня. И в её глазах зажглась искра, которая всегда загоралась, когда нужно было выдумывать безумные школьные спектакли и заражать всех дурацким энтузиазмом. Мне это и тогда не нравилось. Не нравилось категорически.

— Деньги... — протянула она, и уголок её рта дёрнулся. — Необязательно. У меня есть для тебя... альтернативное предложение.

Меня сковало леденящее предчувствие. Хуже, чем от разговора с завучем.

— Какое? — спросил я, уже ненавидя весь мир и особенно эту блестящую женщину в сапогах.

Она сделала шаг вперёд. От неё пахло морозом, конфетами и едой из детского сада. Фуу.

— Ты отработаешь. В костюме. С бородой. — Она сделала паузу, чтобы слова легли, как приговор. — Дедом Морозом. У меня аврал и мне нужен человек. На десять дней.

В ушах зазвенела тишина, которая бывает перед потерей сознания. Я посмотрел на неё, потом на свой разбитый бам-

пер, потом на школьные окна, где, наверное, уже собрались зрители.

— Ты с ума сошла? — это было всё, что я смог выдать.

— Нет, — парировала она, и улыбка на её лице стала широкой, ликующей и совершенно безумной. — Я нашла выход из положения. А ты, дорогой пусть и бывший коллега, нашёл себе новогоднюю подработку. Поздравляю. Идёт? Или вызываем ГАИ, и ты продаёшь свою почку?

Я закрыл глаза. Передо мной проплыли лица Петрова, за-вуча, горы непроверенных тетрадей. Потом — цифры ущерба. Потом — образ редкого кактуса «Царица ночи», который я вот-вот мог купить себе в подарок... и который уплывал от меня прямо сейчас.

Ветер донёс запах глинтвейна из соседнего кафе. Где-то вдали заиграла дурацкая новогодняя песня.

Я открыл глаза.

— Ладно, — прохрипел я. — Но только на условиях. Никаких хороводов по собственному желанию. Никаких душевных разговоров с детьми. И...

— И что? — она уже достала телефон, готовая фиксировать сделку.

— И мне нужен нормальный костюм. Чтобы ничего не чесалось.

Ксюша Лазарева рассмеялась. Звонко, победно.

— Добро пожаловать в сказку, Кирилл Владимирович. У Деда Мороза очень плотный график. Начинаем сегодня же!

Жду тебя через тридцать минут у садика Ручеек, который в центре.

Она повернулась и пошла к своей помятой машине, словно только что заключила контракт века. А я остался стоять рядом со своим покалеченным Арнольдом, с полным осознанием, что в моей жизни, и без того похожей на плохую шутку, только что началась самая абсурдная и унижительная глава. И виноват в ней был я сам. Как всегда.

Глава 3 - Дебют

Если бы у меня был личный дьявол, он бы выглядел именно так — метр девяносто недовольства, облачённое в мешковатый красный бархат, с бородой из синтетического волокна, привязанной чуть криво.

Мы стояли за кулисами сцены детского сада «Ручеёк», где через пять минут должен был начаться утренник. Кирилл в роли главного волшебника страны на ближайший час изучал свой костюм с выражением лица человека, которого только что одели в пропитанную кислотой мешковину. Брезгливо поправлял рукава, варежки и лацканы.

— Лазарева, — начал он тем голосом, которым, наверное, объявляет о внезапной контрольной. — Я прочитал сценарий. Это что, коллективная пытка? «Здравствуйте, детки!» — он произнёс эту фразу так, будто видел в ней личное оскорбление. — Я так не разговариваю. И потом. «Весёлые загадки от Дедушки Мороза». Ты уверена, что они соответствуют возрасту? Вот эта: «Без окон, без дверей, полна горница людей».

Я моргнула, пытаюсь переключиться с режима «паникующая бизнес-леди» на режим «терпеливый режиссёр-постановщик».

— Это огурец, Кирилл Владимирович. Все дети знают.

— Огурец логически не подходит, — парировал он. —

«Полна горница людей» подразумевает разумные существа в замкнутом пространстве. Огурец — овощ. Это формирует у детей неправильные причинно-следственные связи.

У меня задергался глаз.

— Это загадка! — прошипела я. — В них не ищут логику! В них ищут... ну, загадочность!

— Бессмыслица, — заключил он и похлопал себя по животу. — И этот атрибут. Он набит ватой?

— Поролоном. Для объёма.

— Он мешает. Я чувствую себя инкубатором. И мне жарко!

В этот момент из-за кулис высунулась Олеся. Её лицо было бледным.

— Ксюш, детки уже заходят в зал. Родители рассаживаются. Музыка на старт. Всё готово. — Она бросила взгляд на Кирилла, и её лицо исказила гримаса сочувствия. — Удачи. Вам двоим. Особенно... — она кивнула в сторону Кирилла, — ему.

Прогремели первые аккорды «Маленькой ёлочки». Пора.

— Запомни, — быстро прошептала я, хватая его за рукав. — Улыбайся. Кивай. Говори басом. Если забыл слова — смотри на меня. Я вытащу. И не ной, ради бога!

Он посмотрел на меня своим ледяным, ничего не выражающим взглядом.

— Лазарева, я провёл больше тысячи уроков. Сейчас будет тысяча первый.

И он вышел на сцену.

Это было... незабываемо.

Представьте: полный зал пятилеток, затихших в ожидании чуда. И появляется он. Дед Мороз, который шагает, как робот-пылесос, застрявший в углу. Его «О-о-о-о, дорогие мои ребятушки!» прозвучало с такой интонацией, будто он объявлял: «Садитесь, диктант».

Дети замерли от лёгкого испуга. По рядам родителей прошёл неодобрительный ропот.

Я, как сумасшедшая Снегурочка, закружилась вокруг него, пытаюсь растопить этот айсберг.

— Дедушка Мороз, ты такой весёлый сегодня! — визгливо пропела я, дёргая его за рукав.

— Это не весёлость, Лазар... Снегурочка. Это климатическая адаптация, — громогласно ответил он на весь зал.

В первом ряду заплакала девочка в платье принцессы.

Попытка пригласить детей читать стихи и петь песни не увенчалась успехом. Почти каждый ребёнок шарахался от нашего Деда.

Дальше — хуже. Настало время загадок.

— Всё лето стояли, зимы ожидали. Дождались поры — помчались с горы, — громко декламировала я, стараясь излучать энергию трёх эспрессо сразу.

Кирилл нахмурился. На сцене воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь всхлипами принцессы. Дети молчали.

— Это, — наконец изрёк он, — очевидно, сани, Снегу-

рочка. Но с физической точки зрения формулировка неточна. Они не «стояли», они находились в состоянии покоя. И «помчались» лишь при наличии наклонной плоскости и силы трения, недостаточной для...

— САННИИИ! — перекрыла я его, почти крича. — Верно, дедушка! А детки в зале тоже, наверняка, знали ответ! Молодцы, ребята!

Дети молчали. Они были в тихом шоке.

Апофеоз наступил во время хоровода. Кирилл, должно быть, решил, что его роль — статичный полюс, вокруг которого вращается Земля. Он стоял посреди зала, неподвижный, как скала, в то время как я, как белка в колесе, пыталась соединить его руку с маленькой ладошкой ближайшего мальчика.

— Возьми ребёнка за руку, — прошипела я, улыбаясь во весь рот.

— У меня не продезинфицированы перчатки, — громко и басовито парировал он.

— ВАСЯ, ДЕРЖИ ДЕДУШКУ ЗА РУКАВ! — скомандовала я мальчугану, и тот, покорно схватив бархат, повис на Кирилле, как гирия.

Хоровод всё же закружился. Напоминал он, впрочем, не радостный круг, а эвакуацию после чрезвычайной ситуации. Дети шли угрюмо, Кирилл — с видом конвоира, а я — с улыбкой клоуна, за которой пряталась тихая истерика.

Когда наконец прозвучали финальные аккорды и я про-

кричала «Счастливого Нового года!», в зале раздались не радостные аплодисменты, а облегчённые вздохи родителей. И только на раздаче подарков появилась расслабленность на лицах. Фу-у-ух.

Мы молча доплелись до подсобки. Я закрыла дверь, прислонилась к ней и закрыла глаза. Тишина. Благословенная тишина.

— Ну? — раздался его голос. — Как мой дебют?

Я открыла глаза. Он уже снял шапку и ковырял верёвки на бороде, пытаясь отлепить её от лица.

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

— Твой дебют, — сказала я тихо, — был худшим событием в моей профессиональной карьере. Ты напугал детей. Ты усыпил родителей. Ты превратил праздник в... в открытый урок по физике для несмышлёнышей!

— Я старался быть понятным, — пожал он плечами, и это небрежное движение стало последней каплей.

— ПОНЯТНЫМ?!

Я не помню, как оказалась в сантиметре от него. Его глаза, серые и совершенно спокойные, смотрели на меня сверху вниз.

— Лазарева, успокойся. Это всего лишь детский утренник.

— ВСЕГО ЛИШЬ? Это МОЙ бизнес! Моя ЖИЗНЬ! А ты... ты...

Слова закончились. Оставалось только бешенство.

— Хватит уже быть деревянным чурбаном! Как мне тебя растряссти?! Из лягушки проще сделать принца, чем из учителя физики — Деда Мороза!

Он медленно снял бороду. Без неё его лицо казалось неожиданно молодым и привлекательным. В уголке его губ дрогнула тень чего-то, что было далеко от спокойствия.

— А знаешь, как в сказке, Снегурочка? — его голос стал тише, но от этого только плотнее заполнил маленькую комнату. — Поцелуй превращает лягушку в принца.

Я застыла, не понимая, куда он клонит.

— Кто?! — выдохнула я.

— Поцелуй. Может, и тебе он поможет. — Он сделал микроскопический шаг вперёд, сокращая и без того крошечную дистанцию между нами. — С экспериментальной точки зрения, метод не проверен. Но гипотеза существует.

Во рту пересохло. Гнев всё ещё пылал где-то внутри, но теперь его пламя стало странным, колючим и горячим.

— Это твоё научное предложение? — мои слова прозвучали хрипло.

— Это предложение по улучшению качества предоставляемых услуг, — парировал он, и его взгляд скользнул по моим губам. — Клиент явно недоволен исполнителем. Нужны радикальные меры для повышения вовлечённости персонала в процесс.

В голове пронеслась мысль: «Он сошёл с ума. И ты сейчас тоже сойдёшь». Но тело, казалось, уже приняло решение без

меня.

— И кто, по-твоему, должен... провести этот эксперимент? — прошептала я, уже не отступая.

Он наклонился чуть ниже. Его дыхание коснулось моей кожи.

— Инициатива, как известно, наказуема. Но я готов взять на себя административную ответственность.

Больше я не думала. Руки сами вцепились в складки его дурацкого красного халата. Я встала на цыпочки и притянула его к себе.

Это было выяснение отношений на языке, который не нуждался в словах. Он ответил сразу — жёстко, без предварительных нежностей, как будто и он ждал этого взрыва. Одной рукой он схватил меня за талию, прижимая к себе так, что поролоновый живот костюма упёрся в меня мягкой преградой. Другой ладонью вцепился в мои волосы, срывая заколки, которые удерживали парик Снегурочки.

Это было неловко, грубо и совершенно лишено всякой сказочности.

Когда мы наконец разъединились, дыхание сбилось у обоих. Мой парик съехал набок. Его волосы встали дыбом.

Мы стояли, смотря друг на друга, как два боксёра после нокдауна.

— Ну что, — выдохнула я, пытаюсь вернуть себе хоть каплю достоинства. — Стало лучше?

Он провёл языком по нижней губе, его глаза сузились.

— Статистически незначимый результат. Требуется... дополнительная серия экспериментов. Для чистоты данных.

— Мечтай, — фыркнула я, но не отошла.

— Я физик, Лазарева. Я работаю с гипотезами. А моя текущая гипотеза гласит, что это может сработать.

В дверь постучали. Голос Олеси прозвучал как ледяной душ:

— Ксюш, ты там жива? Родители хотят высказать свои претензии. Говорят, их ребёнок теперь боится Деда Мороза и требуют компенсацию морального ущерба в виде дополнительного подарка!

Я отпрянула от Кирилла, судорожно поправляя костюм и волосы.

— Выходим через минуту! — крикнула я в дверь. Потом повернулась к нему, указывая пальцем. — Приводи себя в порядок. И готовься. Следующая ёлка через пятнадцать минут. И я предупреждаю, там будет конкурс «Попади снежком в мишень».

На его лице мелькнула паническая тревога.

— Снежками? Из ваты? Это же нарушение техники безопасности!

— Будут мячики из поролона! — огрызнулась я, уже открывая дверь. — И если ты хочешь обсудить свою «гипотезу» дальше, тебе придётся сначала научиться попадать. А не философствовать!

Я вышла в коридор, оставив его одного среди развешан-

ных костюмов. Сердце стучало где-то в горле. Впереди был разговор с разгневанными родителями и новая порция профессионального унижения.

Но чёрт возьми. На лице против воли играла какая-то дурацкая, нервная улыбка. Следующая ёлка вдруг не казалась такой уж невыносимой.

Глава 4 - Личный котёл

Персональный ад существует. И выглядит он как серия детских утренников приправленных подростковой дискотечкой.

Согласно моим предварительным расчётам, за последние шесть часов я выпил три стакана сладкого морса, был дважды обсыпан блёстками, проиграл в конкурсе по скоростному надеванию варежек пятилетнему ребёнку по имени Тимур, и один раз — это признать особенно унижительно — меня «уронили» во время хоровода. Не специально. Просто плотность моего тела, умноженная на скорость вращения и общий энтузиазм неопытных участников, дала закономерный результат.

И всё это время рядом была Ксюша. Вернее, Снегурочка. Раньше я, честно говоря, не особо её замечал. Ну, симпатичная коллега. Вечно улыбается, глаза горят, говорит слишком громко и быстро. Стандартный образ «человека, который любит людей», вызывающий у меня инстинктивное желание проверить на вшивость. После её ухода из школы я, каюсь, даже испытал лёгкое облегчение: одним источником неоправданного оптимизма меньше.

Но сегодня произошёл какой-то сбой в матрице. Возможно, это был контраст. На фоне моего тотального отчаяния и усталости, она сияла, как новогодняя звезда. Ко-

гда после провала с загадкой про сани она повернулась ко мне, её щёки горели румянцем, а глаза метали молнии — в этот момент она была не «симпатичной», а чем-то вроде разгневанной валькирии. В мини-шубке и шлюшых белых сапогах.

А потом был поцелуй в подсобке. Вернее, не поцелуй. Столкновение. Авария. Как и наша новая встреча на парковке.

Я до сих пор чувствую привкус её помады. Сладковатый, с ягодным оттенком.

Это выбило меня из колеи сильнее, чем все утренники вместе взятые. Я привык контролировать переменные. А здесь появилась новая, неучтённая величина, которая вела себя совершенно иррационально.

Мы едем на последний сегодня заказ — дискотека школьников в элитной гимназии. Я за рулём своего потрёпанного Арнольда, она — на пассажирском, скинув сапоги и поджав под себя ноги. В машине пахнет кофе из термоса, который она принесла после второй ёлки.

Ее машину договорились оставить, так как дверь окончательно заклинило.

На радио играет спокойная музыка вперемешку с новогодними хитами. Иногда в рекламе звенят колокольчики и голос диктора объявляет, что до нового года осталось семь дней...

— Ты что молчишь? — она ковыряла что-то в телефоне,

не глядя на меня. — Готовишь лекцию о термодинамике хоровода для старших классов?

— Анализирую погрешности, — буркнул я, глядя на дорогу. — Контрольная группа, представленная сегодняшними детьми, показала явное отторжение к классическому образу волшебника. Возможно, нужна модернизация подачи.

Она фыркнула.

— То есть нужно не быть бревном, Кирилл Владимирович. Это называется «играть», «вживаться в роль». Это не лабораторная работа.

— Любая деятельность, где есть наблюдатель и объект наблюдения, — лабораторная работа, — парировал я. — Протокол сегодняшнего эксперимента был явно составлен неверно.

— Протокол был идеальный! — она повернулась ко мне, и в темноте салона её глаза блеснули. — Это ты — реагент, который вступил в непредвиденную реакцию со всеми остальными компонентами и всё испортил!

Я украдкой посмотрел на неё. Уличные фонари мелькали за окном, освещают её профиль то жёлтым, то оранжевым светом. Растрёпанные волосы, смытая наполовину тушь, усталая тень под глазами. И при этом — какая-то невероятная энергия, которая, казалось, исходила от неё тепловыми волнами. Как от работающего двигателя.

«Реагент, вступивший в непредвиденную реакцию». Звучало как диагноз. Но мне нравится, как она отбивает мои

подачи. Дух учителя в ней не угас и знания сохранились.

— Ладно, — сказал я, сворачивая в указанный ей переулок. — Допустим. Но если я — реагент, то что ты? Катализатор, ускоряющий процесс моего профессионального и, вероятно, душевного разложения?

Она замолчала на секунду, потом рассмеялась. Звонко, беззлобно.

— Я — главный исследователь этого безумного опыта. И знаешь что? Несмотря на катастрофические результаты, гипотеза начинает подтверждаться.

— Какая гипотеза? — спросил я, уже догадываясь.

— Что под этой коркой цинизма есть человек, — она сказала это нежно, почти шёпотом. — Который, например, сегодня, когда та девочка упала, поднял её и поправил бант. Не глядя. На автомате.

Я почувствовал, как по шее разливается тепло. Этого никто не должен был видеть. Глупый рефлекс.

— Ребёнок создавал помеху движению потока. Его нужно было эвакуировать из зоны активности.

— Конечно, конечно, — она протянула слово, и в её голосе зазвучала едва уловимая нежность, от которой стало ещё жарче. — Эвакуировал. И ещё погладил по голове. По-моему, у тебя неплохо получается «непродуманное проявление эмпатии». Ну признайся, Кирилл. Ты ведь любишь детей?

Мы подъехали к забору за которой возвышалась новенькое здание. Огромная территория, все в гирляндах. Из при-

открытых окон доносилась громкая музыка и смех.

— Так, — Ксюша собралась, её голос снова стал деловым. — Тут дискотека. Богатые, умные детки. Нужно просто их поздравить, потанцевать, немного пошутить и уйти. Никаких малышей. Никаких загадок и стишков. Пятнадцать минут, и мы свободны.

Внутри царит хаос подросткового праздника. Дресс-код «коктейль», запах парфюма.

Когда мы вошли в зал, меня накрыла волна аплодисментов и смеха. Ребята смотрели на нас как на ожившую шутку. И тут случилось странное.

Без давления детских ожиданий, без необходимости быть «волшебным», я... расслабился. Я говорил те же банальные тексты, но вкладывал в них свой, сухой сарказм. Вместо «Желаю исполнения желаний!» я сказал: «Желаю, чтобы ваши оценки совпадали с реальностью». И школьники смеялись. Им нравилось. Ксюша, стоя рядом, смотрела на меня широко раскрытыми глазами, а потом её губы растянулись в самой настоящей улыбке.

В какой-то момент ко мне подходит девчонка в блестящем платье. Явно старается казаться старше.

— Дед Мороз, а у вас есть желание? — спросила она с кокетливой улыбкой.

Я, не задумываясь, кивнул в сторону Ксюши, которая в этот момент пыталась открыть бутылку безалкогольного шампанского для фотосессии.

— Да. Чтобы моя Снегурочка наконец освоила первый закон термодинамики и не тратила энергию впустую.

Все снова засмеялись. А она поймала мой взгляд и... покраснела.

Но не обошлось и без происшествий. Какой-то парень, судя по лицу — выпускник, чувствовавший себя здесь хозяином жизни, решил, что костюм Снегурочки — это открытое приглашение. Я видел, как он с наглой ухмылкой подошёл к Ксюше, что-то сказал ей на ухо, положил руку ей на талию поверх белого меха.

Её улыбка мгновенно исчезла, сменившись настороженностью и отвращением. Она что-то резко ответила и попыталась отойти, но он, смеясь, держал её за рукав.

Рациональность отключилось. Прежде чем я успел обдумать план действий, мои ноги уже несли меня через зал. Продолжая быть в образе, приблизился к паре солидной походкой Деда Мороза, но, кажется, с таким выражением лица, что люди инстинктивно расступались.

Мой рост и ширина костюма создавали эффект стены. Я не смотрел на юнца. Я смотрел на Ксюшу.

— Внучка, — сказал я своим низким, «ролевым» басом, который сейчас звучал неприкрыто угрожающе. — Дел ещё много. Нам пора готовить сани к дальней дороге.

Парнишка фыркнул, всё ещё держа её за талию.

— О, дедуля пришёл! Не переживай, мы быстро... — он не договорил.

Потому что моя рука в толстой красной варежке легла ему на плечо. Не сильно. Но вес у меня был приличный, а нажим рассчитанным.

— Молодой человек, — произнёс я уже своим, обычным, учительским тоном, тихо, но так, чтобы слышал только он. — Вы сейчас нарушаете три пункта правил техники безопасности на массовом мероприятии. И первое из них — «не трогать служебный персонал». Отпустите. Сейчас.

Что-то в моих глазах или в том, как сжались пальцы под варежкой, подействовало. Наглость с его лица сдуло. Он брезгливо, как от чего-то липкого, отдернул руку.

— Да ладно, что вы... Я просто по-дружески...

— Ваше дружелюбие зачтётся в новом году, — отрезал я, всё ещё не сводя с него ледяного взгляда. — Можете идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.